

XXIV/6
6-24

36

Б 24 к

КУРСЪ

ВКСЕЛЬНАГО ПРАВА

ВЪ СВЯЗИ СЪ УЧЕНІЕМЪ

О

ВКСЕЛЯХЪ И ВКСЕЛЬНЫХЪ ОПЕРАЦІЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

С. М. БАРАЦЪ,

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОММЕРЧЕСКАГО УЧИЛИЩА.

1999

Проверено 1966

1957 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержденнаго Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., 39.

1893.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ нашъ Курсъ вексельнаго права, считаемъ нелишнимъ, прежде всего, коснуться принятой нами системы изложенія. Въ сочиненіяхъ западной литературы, посвященныхъ систематической обработкѣ вексельнаго права, цѣлое изложеніе институтовъ этого права сосредоточивается всегда на траттѣ (*переводномъ векселѣ*), и, затѣмъ, сказанное объ этой формѣ векселя, съ нѣкоторыми изъятіями и модификаціями, примѣняется къ векселю простому (соло). Ученіе о послѣднемъ содержитъ въ себѣ, такимъ образомъ, кромѣ простыхъ ссылокъ на предшествующее изложеніе, одни только сказанныя изъятія и модификаціи; собственно же ученіе о векселѣ есть ученіе о траттѣ — почти исключительной формѣ векселя.

Такая система опирается, съ одной стороны, на историческое значеніе векселя переводнаго, ибо единственно съ нимъ связано все историческое движеніе вексельнаго права, съ другой — на преимущественную важность этой формы въ современномъ юридическомъ быту на Западѣ, ибо тамъ въ употребленіи почти исключительно одни переводные векселя.

Само собою разумѣется, что въ научно-догматическомъ изложеніи ни тотъ, ни другой мотивъ не должны опредѣлять его системы. Если обѣ формы векселя тождественны по своему существу, — ибо тотъ и другой вексель есть формальное, одностороннее обязательство, — и все различіе межъ ними коренится въ акцептѣ, въ связанныхъ съ симъ послѣднимъ и относящихся почти исключительно къ лицевой сторонѣ векселя реквизитахъ, коими квалифицируется одинъ вексель и которые не имѣютъ мѣста относительно другого, — то нѣтъ внутренняго

основанія приурочивать общее изложеніе институтовъ вексельнаго права къ векселю переводному исключительно. Гораздо раціональнѣе, напротивъ, система изложенія, имѣющая въ виду одновременно обѣ формы векселя.

Съ другой стороны, при доминирующемъ значеніи въ Россіи, во внутреннемъ оборотѣ, векселей простыхъ (соло), отличающихся, по своей конструкціи, отъ векселей переводныхъ (траттъ), мы сочли болѣе цѣлесообразнымъ вести изложеніе такъ, чтобы, начавъ съ простыхъ (соло) векселей, перейти отъ нихъ къ переводнымъ векселямъ; другими словами — чтобы, изложивъ существо и форму каждаго изъ этихъ видовъ векселя отдѣльно, самостоятельно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ эти оба типа расходятся, соединить въ одно ученіе о нихъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ они, по лицевой же сторонѣ, сливаются (сроки, на которые они выписываются [терминированіе], наименованіе ремитента [первопріобрѣтателя] и пр.). Съ момента же, когда вексель начинаетъ подлежать передаваемости, когда начинается его обращеніе, которое открываетъ ремитентъ (первопріобрѣтатель), съ первымъ ударомъ, толчкомъ котораго начинается индоссація, отождествленіе обоихъ типовъ векселя достигаетъ предѣльной точки. Съ этого момента ученіе о векселѣ обоихъ типовъ, по направленію вверхъ, идетъ безраздѣльно до момента диссолюціи векселя, какъ идетъ безраздѣльно и въ обратномъ шествіи до перваго индоссента, когда, при интервенціи и регрессѣ, возможно относительно переводныхъ векселей то, что оказывается невозможнымъ относительно векселей простыхъ (интервенированіе за счетъ трассента, регрессъ къ сему послѣднему и пр.).

Читатель, который усвоитъ себѣ терминологию вексельнаго права съ самаго начала чтенія книги, будетъ поставленъ въ возможность, на основаніи этой терминологіи, составить себѣ всегда понятіе, о какомъ именно типѣ векселей идетъ рѣчь въ тѣхъ случаяхъ, когда ученіе о томъ и другомъ типѣ идетъ одновременно, параллельно. Въ этихъ случаяхъ мы старались, на сколько это было возможно, рядомъ съ терминомъ, касающимся одного типа, ставить въ скобкахъ терминъ, относящійся къ другому типу, давая тѣмъ самымъ понять, что, говоря, напримѣръ, о переводномъ векселѣ, было бы излишне указывать на аналогичные случаи съ простымъ векселемъ, относительно котораго терминъ, поставленный въ скобкахъ, свидѣтельствуетъ и о дѣйствіи по отношенію къ тому *или* другому типу, или же — по отношенію къ тому *и* другому типу одновременно, параллельно. Въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, гдѣ это не было сдѣлано, вслѣдствіе желанія избѣ-

гать постоянного повторенія и напомнимъ разграниченій между простыми и переводными векселями, только утомляющихъ читателя и отвлекающихъ отъ излагаемой мысли, — въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, говоримъ мы, даже и безъ такихъ разграниченій, при одномъ только упоминаніи о какомъ либо дѣйстви по векселю переводному, тотчасъ, уже само собою, является представленіе и объ аналогичныхъ случаяхъ съ векселемъ простымъ.

Предназначая нашъ Курсъ для читателей разной степени подготовки т. е. — для читателей, изъ коихъ одни пожелали бы усвоить себѣ только начала, основанія предмета, а другіе — изучить его болѣе основательно, — мы печатали книгу тремя (мѣстами — даже четырьмя) различными шрифтами, которые дадутъ читателю возможность отдѣлать болѣе для него существенное отъ менѣе существеннаго и избавятъ его отъ необходимости читать то, что не представляетъ для него непосредственнаго интереса. Въ этихъ же видахъ каждой главѣ предпосланъ, такъ сказать, спеціальныи параграфъ, обнимающій «общія понятія» о томъ, что подробно и обстоятельно разработано въ дальнѣйшемъ изложеніи подлежащихъ главъ. Такимъ образомъ, читатель, поставленный въ невозможность пройти весь Курсъ, можетъ ограничиться прочтеніемъ въ подлежащихъ главахъ лишь «общихъ понятій», которыя онъ такимъ путемъ извлечетъ изъ того основнаго шрифта, печатаніе которымъ мы, вообще, ограничили только самое необходимое изъ области вексельнаго права.

Поставивъ себѣ задачею изложеніе вексельнаго права, какъ такового, въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и ихъ технической стороною, мы сочли цѣлесообразнымъ включить въ нашъ Курсъ главу о вексельныхъ операціяхъ, которая, представляя собою, такъ сказать, практику вексельнаго права, только и даетъ возможность уяснить себѣ самое вексельное право, какъ таковое: личный нашъ опытъ и наблюденія привели насъ къ тому заключенію, что изложеніе вексельнаго права только тогда оказывается легко усвояемымъ, когда оно идетъ рука объ руку и параллельно съ изложеніемъ технической и экономической стороны векселя.

Что касается, наконецъ, обзора очень богатой и качественно, и количественно литературы вексельнаго права вмѣстѣ съ систематическою библіографіею такового, то хотя въ подлежащихъ ссылкахъ и цитатахъ читатель найдетъ много по этому вопросу указаній, тѣмъ не менѣе, съ этой стороны, въ нашемъ трудѣ оказывается пробѣлъ. Въ виду разросшагося и безъ того объема книги, мы сочли болѣе

цѣлесообразнымъ отказаться отъ намѣренія помѣстить, приготовленные, впрочемъ, окончательно для печати, обзоръ литературы и систематическую библіографію вексельнаго права, надѣясь выпустить таковыя, при благопріятныхъ условіяхъ, отдѣльнымъ изданіемъ.

С. Б.

С.-Петербургъ
Сентябрь 1893 г.

В в е д е н і е.

Каждое промышленное предприятие предполагает капиталъ. Для самаго хода предприятия, равно какъ и для успѣха его, нисколько несущественно, чтобы капиталъ составлялъ собственность лица (учрежденія), совершающаго промышленную операцію. Но лицо, готовое предпринять ту или другую промышленную операцію, не всегда располагаетъ нужнымъ для того капиталомъ. Есть много такихъ предприятий, которыя требуютъ слишкомъ значительныхъ капиталовъ, какіе рѣдко оказываются у отдѣльныхъ лицъ. Тогда только и остается искать возможности найти чужой капиталъ. Чѣмъ болѣе развита промышленная жизнь народа, тѣмъ болѣе представляется такихъ случаевъ, что лицу нужны чужіе капиталы для промышленной дѣятельности. Съ другой стороны, самая промышленная дѣятельность, для бѣльшаго успѣха, требуетъ, чтобы промышленникъ и производитель довѣряли свои произведенія другимъ лицамъ, подобно тому, какъ капиталистъ довѣряетъ каждому изъ нихъ свои капиталы. Интересъ промышленника—сбывать свои произведенія. Безопаснѣе, конечно, и, слѣдовательно, выгоднѣе для промышленника сбывать и помѣщать свои произведенія за наличныя деньги, какъ для капиталиста наиболѣе безопаснымъ, конечно, средствомъ сохраненія имущества—держать его при себѣ, не разставаясь съ нимъ. Но это средство не всегда совмѣстимо съ извлеченіемъ пользы изъ имущества, такъ какъ рядомъ со способами пользованія имуществомъ, не разставаясь съ нимъ, есть и другіе, соединенные съ передачею имущества въ руки сторонняго лица—не всѣ имѣютъ возможность и не всѣ умѣютъ пользоваться имуществомъ и извлекать пользу изъ такового *непосредственнымъ* его употребленіемъ. И какъ капиталистъ отчуждаетъ отъ себя временно, заимообразно, капиталъ, для извлеченія изъ него пользы, такъ и промышленникъ бываетъ поставленъ въ положеніе, когда пріобрѣтатель товара долженъ взять таковой заимообразно—*въ кредитъ*. Случай, когда пріобрѣтатель товара въ самый моментъ купли можетъ произвести платежъ *наличными деньгами* рѣже случаевъ противныхъ. Промышленнику необходимо оказывать довѣріе пріобрѣтателю его продукта, давать въ долгъ, въ кредитъ, такъ какъ иначе онъ рискуетъ, что его произведенія у него залежатся. Такимъ образомъ, промышленное предприятие, съ одной стороны, предполагаетъ довѣріе, а съ другой—быстрое обращеніе товара, другими словами: какъ дѣятельность производительная, такъ и мѣновая предполагаютъ довѣріе, *кредитъ*, который и

признается душою промышленности и который основанъ на нравственномъ соображеніи, на добромъ мнѣніи одного лица о другомъ и вообще на томъ довѣріи, которое проникаетъ во всѣ юридическія и экономическія отношенія.

Основанный на довѣріи способъ перехода цѣнностей изъ однѣхъ рукъ въ другія, безъ немедленной за нихъ уплаты, кредитъ, какъ видъ мѣны, отличается отъ другихъ видовыхъ формъ тѣмъ, что передача цѣнности или предоставление другому лицу права пользованія таковою, основаны *на довѣріи къ будущему* вознагражденію и возврату. Въ основаніи своемъ кредитъ имѣетъ, слѣдовательно, слѣдующее: владѣлецъ капитала отдаетъ или, точнѣе, предоставляет на извѣстный срокъ и за условленное вознагражденіе право лицу, нуждающемуся въ немъ, пользоваться таковымъ, а это послѣднее лицо обязывается возвратить капиталъ въ срокъ (въ вознагражденіемъ, называемымъ процентомъ или ростомъ). Необходимымъ условіемъ для каждой кредитной сдѣлки со стороны заемщика является *способность* возвратить занятый капиталъ въ срокъ. Основаніемъ каждой кредитной сдѣлки со стороны заимодавца служитъ довѣріе, т.-е. увѣренность въ томъ, что онъ получитъ обратно въ срокъ отданный въ ссуду капиталъ. Эти отношенія заимодавца къ заемщику отнюдь не измѣряются однимъ имуществомъ послѣдняго. Оказывая кредитъ, заимодавецъ имѣетъ въ виду честность и солидность въ веденіи дѣлъ кредитующейся стороны (заемщика),—качества, которыя служатъ для него, заимодавца, гарантіей въ томъ, что онъ не будетъ обманутъ; искусство заемщика и умѣнье вести дѣло, дающія заимодавцу основаніе не сомнѣваться въ томъ, что кредитующаяся сторона не ошибется въ расчетѣ; родъ занятія и предметъ торговли кредитующейся стороны, которыми измѣряется надежда на обратное полученіе капитала; наконецъ—имущество и личные капиталы кредитующейся стороны, которые рассматриваются, какъ средство для покрытія потерь, которыя она можетъ понести, какъ фондъ, застраховывающій и обезпечивающій въ большей или меньшей мѣрѣ капиталъ заимодавца. Кредитъ основывается, слѣдовательно, на знаніи совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, или, точнѣе, на томъ мнѣніи, которое о нихъ составлено.

Если общепризнанная истина такова, что кредитъ—душа промышленности, то *вексель* несомнѣнно—лучшій представитель кредита. Подобно тому, какъ торговля не обусловлена предѣлами той или другой государственной территоріи, такъ и вексель, первый и главный слуга торговли, не имѣетъ никакихъ ограниченій. Служа рычагомъ большихъ торговыхъ предпріятій, устанавливая связь между всѣми народами вселенной, вексель и въ другихъ отношеніяхъ оказалъ такое важное вліяніе на развитіе торговли, какъ не многіе изъ другихъ открытій. Появленіе векселя даже въ его примитивной конструкціи, явившейся плодомъ тайной и могучей силы, которая можетъ быть названа автономіею торговаго сословія, въ связи съ дальнѣйшемъ развитіемъ его реквизитовъ, какъ результатъ того же творчества,—все это не безъ основанія принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ открытій торговаго міра. Если компасъ расширилъ географическій кругозоръ человѣчества и если деньги освободили торговлю отъ тѣсныхъ узъ мѣны, то вексель—клочекъ бумаги, необезпеченный достояніемъ государства, развилъ кредитъ—эту могучую силу и основу всей промышленности. Переносъ капиталы изъ однѣхъ

рукъ въ другія и служа способомъ передачи капитала, вексель тѣмъ самымъ вызываетъ къ дѣятельности безъ него не производительныя богатства, увеличиваетъ размѣры производства, являясь въ то же время самъ капиталомъ и приобретаая самъ покупательную силу. Если замѣна натурального хозяйства денежнымъ имѣла такое важное значеніе, то вексель, превосходя экономическую важность денегъ разнообразіемъ своихъ функцій, превосходитъ послѣднія и какъ платежный знакъ. Значеніе денегъ ограничено государственною территоріею, внѣ которой онѣ, если не совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ въ значительной степени, теряютъ свою стоимость. Вексель же всегда и вездѣ имѣетъ одинаковую цѣнность, его дѣйствіе не ограничено никакими предѣлами и его сила не обусловлена никакими законами ввоза и вывоза. Въ этомъ отношеніи онъ справедливо заслужилъ названіе универсальнаго средства уплаты и монеты всего торговаго міра. Вексель имѣетъ еще и другія преимущества передъ деньгами. Деньги всегда выражаютъ опредѣленную стоимость, тогда какъ вексель можетъ выражать какую угодно сумму; пріисканіе денегъ сопряжено съ важными затрудненіями, тогда какъ вексель можетъ быть созданъ во всякое время, какъ скоро есть у лица соотвѣтствующая для этого цѣнность. Экономическое значеніе векселя этимъ не исчерпывается: служа орудіемъ кредита и суррогатомъ наличной уплаты, имѣя покупательную силу денегъ, вексель пріобрѣтаетъ и значеніе товара, получаетъ свою опредѣленную стоимость и свой опредѣленный курсъ (цѣну), служа для ликвидаціи международныхъ расчетовъ, избавляя отъ необходимости переводить и пересылать звонкую монету и распадаясь, подобно сортамъ и качествамъ товаровъ, на разныя категоріи, смотря по мѣсту выдачи (эммиссіи) векселя и мѣсту платежа по немъ.

Законодательства всѣхъ странъ охраняютъ это орудіе кредита съ особою заботливостію и преслѣдуютъ всякое нарушеніе оказаннаго довѣрія съ неумолимою строгостію. Неплатежъ по векселю моментально задѣваетъ имущественную сферу должника, моментально разлагаетъ имущество послѣдняго на составныя части для продажи съ публичнаго торга, закрываетъ ему повсемѣстно кредитъ и распространяетъ еще недавно свои притязанія даже на личную неприкосновенность должника. Юридическая сила векселя очень велика. Передъ лицомъ всѣхъ законодательствъ вексель является безспорнымъ документомъ: онъ уничтожаетъ всякія недоразумѣнія между должникомъ и кредиторомъ, онъ не допускаетъ никакихъ отговорокъ, никакихъ возраженій по существу со стороны лица, противъ котораго онъ предъявленъ ко взысканію, какъ скоро лицо это является отвѣтственнымъ по векселю. Вексель не допускаетъ даже спора противъ мотива, по которому онъ выданъ. Извѣстно, что всякій договоръ представляетъ собою добровольное соглашеніе двухъ сторонъ, по которому или обѣ стороны взаимно, или одна относительно другой, обязываются къ опредѣленному дѣйствію. Очень естественно, что въ большинствѣ случаевъ сторона рѣшается обязать себя въ пользу другой только въ виду полученія какого-либо эквивалента со стороны послѣдней. Этотъ-то обоюдный интересъ сторонъ, эта взаимность ихъ обязательствъ и составляетъ мотивъ или, технически, причину (causa) договора. Очевидно, что этотъ мотивъ долженъ составлять существенную принадлежность большинства договоровъ, а потому

всякій споръ противъ мотива колеблетъ силу и самаго договора, приостанавливая удовлетвореніе по немъ до разъясненія недоразумѣній. Совершенно другое мы видимъ въ векселѣ. Здѣсь мотивъ не имѣетъ никакого значенія и при взысканіи, въ случаѣ спора, не принимается въ соображеніе, была или не была получена должникомъ имущественная выгода (эквивалентъ), была бы только соблюдена форма векселя, а, за исключеніемъ этого, ничто не избавляетъ должника отъ обязательства удовлетворить вексельнаго кредитора, какъ не избавляетъ его отъ такого обязательства, такъ сказать *alibi*, въ вексельномъ правѣ не существующее и имъ не признаваемое. Векселедатель можетъ не только безвыѣздно находиться въ одномъ мѣстѣ и назначить платежъ по векселю въ другомъ мѣстѣ, но можетъ выписать вексель, помѣтить мѣсто, пунктъ его эмиссіи тѣмъ городомъ, въ которомъ онъ и не находится въ моментъ самой эмиссіи, въ которомъ онъ и не предполагаетъ быть къ сроку платежа, но въ которомъ онъ все-таки долженъ будетъ произвести платежъ. Спора въ данномъ случаѣ быть не можетъ. Платежъ долженъ будетъ быть произведенъ въ томъ именно мѣстѣ, которое явствуетъ по точному смыслу векселя, а самое *alibi* векселедателя въ данномъ случаѣ не имѣетъ абсолютно никакого значенія, если только соблюдены всѣ остальные формы векселя.

Вексельное право представляетъ собою совокупность нормъ, законодательныхъ и обычныхъ, регулирующихъ отношенія между лицами, причастными къ вексельному обязательству. Самое названіе это присвоено той отрасли юриспруденціи, которая имѣетъ своею задачею научную разработку этого матеріала. Составляя первоначально часть торговаго права, вексельное право выдѣлилось затѣмъ въ особый уставъ и составляетъ содержаніе особой юридической дисциплины, имѣющей совершенно самостоятельный характеръ ¹⁾.

Выраженіе: *сила вексельнаго права* означаетъ совокупность тѣхъ особенностей, которыя свойственны однимъ только векселямъ. Процессуальною особенностью векселя считается обыкновенно быстрота и строгость взысканія, хотя въ настоящее время производство по вексельнымъ дѣламъ не сопряжено съ какою-либо особою процессуальною строгостью. Англійское право никогда не знало подобной строгости для векселей, не существуетъ особаго вексельнаго процесса и во Франціи. Теперь и въ Германіи взысканіе по векселямъ производится по общимъ правиламъ одного изъ видовъ сокращеннаго процесса (*Urkundenprozess*), а съ изданіемъ закона 1891 г. объ упрощенномъ судопроизводствѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы въ полномъ объемѣ, и Россія вступила на тотъ же путь.

Болѣе существенное значеніе имѣетъ матеріальное содержаніе вексельнаго права, которое сводится къ слѣдующимъ особенностямъ, отличающимъ (правильно составленные) векселя отъ другихъ долговыхъ обязательствъ: 1) век-

¹⁾ Кажущаяся только невыдѣленность вексельнаго права изъ области торговаго замѣчается только у романскихъ племенъ, гдѣ слово „вексель“ (*lettre de change, lettera di cambio*) таково, что изъ него нельзя выкроить прилагательное къ слову *droit, diritto*, какъ выкроено прилагательное *commercial, maritime* къ слову *droit* (*droit commercial, maritime; diritto commerciale, marittimo*—торговое, морское право). Въ Италіи, впрочемъ, вошло въ послѣднее время въ употребленіе *diritto cambiiale* и недалеко, вѣроятно, то время, когда вексельное право у романскихъ племенъ потеряетъ свою невыдѣленность даже только въ ея кажущемся видѣ.

сельное обязательство есть абстрактное обязательство, отрѣшенное отъ тѣхъ счетовъ между участниками векселя, которые предшествовали выдачѣ или передачѣ векселя, вексельное обязательство цѣликомъ воплощено въ документъ — вексель не служить лишь *доказательствомъ* существованія долга (какъ напр., заемное письмо). Посему вексель не можетъ быть обезсиленъ ни возраженіями о его безденежности, ни возраженіями о состоявшемся уже платежѣ. 2) Вексель можетъ быть передаваемъ по надписямъ, при чемъ всякій надписатель становится отвѣтственнымъ за платежъ, если только онъ, въ силу спеціального соглашенія, не освободилъ себя отъ отвѣтственности особою оговоркою (безъ-оборотною надписью), при чемъ отвѣтственность векселеучастниковъ есть *солидарная* — съ каждаго изъ нихъ можетъ быть взыскана вексельная сумма въ совершенную противоположность заемнымъ письмамъ, которыя могутъ быть переданы заимодавцемъ безъ оборота на себя. 3) Вексельное обязательство, будучи обязательствомъ, воплощеннымъ въ документъ, предназначенномъ для широкаго обращенія — таково, что все значащееся въ немъ относительно срока, времени, суммы и мѣста выдачи считается достовѣрнымъ (правдивымъ); достовѣрнымъ считается и подписаніе векселя, т. е.; что онъ былъ прежде написанъ, а затѣмъ подписанъ, а не оборотъ — не былъ прежде подписанъ въ видѣ бланка. 4) Изъ назначенія векселя служить предметомъ широкаго обращенія вытекаетъ принципъ *самостоятельности* вексельныхъ обязательствъ: сколько подписей на вексель, столько самостоятельныхъ вексельныхъ обязательствъ. Всякій, кто ставитъ свою подпись на вексель, въ качествѣ чего такая подпись бы ни ставилась, обязывается *вексельно, векселемѣрно*, хотя бы самый вексель и оказался недѣйствительнымъ, хотя бы другія подписи были подложны. Посему возраженія, которыми могъ бы защититься одинъ векселеучастникъ (о подложности, напр., его подписи, объ отсутствіи у него векселеспособности и т. д.) не идутъ въ пользу другого, и возраженія, которыя могутъ быть направлены противъ другого векселеучастника, какъ кредитора (о недобросовѣстномъ, напр., приобрѣтеніи векселя) не имѣютъ силы противъ другого. Такова «сила вексельнаго права». Имѣя своею задачею обезпечить прочность и устойчивость вексельнаго оборота, она, однако, не можетъ служить цѣлямъ противозаконнымъ; подъ эгидою «вексельнаго права» дѣйствія неправомѣрные не могутъ быть превращаемы въ правомѣрные.

Вексельное обязательство характеризуется двумя главными чертами: во-1) это есть обязательство формальное и во-2) это есть обязательство, основанное частью на договорѣ, заключаемомъ чрезъ выдачу и принятіе документа, частью же обусловленное такими нормами положительнаго права, которыя имѣютъ въ виду интересъ третьихъ лицъ и нерѣдко оказываются въ прямомъ противорѣчій съ договорною волею сторонъ.

Въ вопросѣ о значеніи формализма въ области вексельнаго права можно отмѣтить двѣ стороны — значеніе формализма въ этой области двоякое: *положительное* и *отрицательное*. Подъ положительною стороною формализма въ вексельномъ правѣ слѣдуетъ разумѣть требованіе наличности документа, имѣющаго извѣстное содержаніе и опредѣленную форму. Правда, формализмъ въ этомъ смыслѣ встрѣчается и въ другихъ договорахъ изъ области общегражданскаго права, но въ вексельномъ правѣ, именно въ отношеніи *содержанія*, онъ

выступает съ наибольшею рѣзкостью, вслѣдствіе чего и самое вексельное право выставляетъ болѣе строгія требованія, чѣмъ общегражданское право. Въ обыкновенныхъ гражданскихъ обязательствахъ нѣтъ никакой необходимости обозначать, напримѣръ, срокъ, когда обязательство должно быть исполнено—отсутствіе такого обозначенія ведетъ лишь къ тому, что кредиторъ можетъ требовать немедленнаго удовлетворенія. Въ вексельномъ же правѣ обозначеніе срока необходимо—только обоюдное соглашеніе сторонъ въ вексельномъ обязательствѣ можетъ сдѣлать таковое подлежащимъ немедленному удовлетворенію (выдача векселя срокомъ по предъявленію, *à vue, vista*). Точно также по гражданскому праву нѣтъ надобности обозначать въ самомъ актѣ обязательства мѣсто исполненія его, тогда какъ по вексельному праву мѣсто платежа должно быть обозначено въ самомъ документѣ, какъ въ простыхъ²⁾, такъ, въ особенности, въ переводныхъ векселяхъ.

Требованіе извѣстнаго содержанія въ вексельномъ документѣ имѣетъ въ виду придачу вексельному обязательству силы вексельнаго права. Этимъ опять отличается вексель отъ договорныхъ актовъ общегражданскаго права. Въ сихъ послѣднихъ отсутствіе какого-либо требуемаго закономъ обозначенія далеко не всегда дѣлаетъ договоръ недействительнымъ, тогда какъ относительно векселей сказать этого нельзя—требованія, регламентирующія ихъ эмиссію, должны безусловно соблюдаться³⁾.

Обращаясь къ самой формѣ изложенія документа, должно замѣтить, что форма эта, вообще говоря, можетъ быть двоякая: или *стереотипная*, состоящая въ употребленіи извѣстныхъ опредѣленныхъ словъ, формулъ и пр. до выписыванія векселей по извѣстнымъ образцамъ (формулярамъ),—или же можетъ совмѣщать въ себѣ лишь извѣстныя *качества*, а именно—опредѣленность и точность.

Въ вексельномъ правѣ стереотипный способъ выраженія имѣетъ довольно ограниченное примѣненіе, низводясь, по отечественному законодательству, независимо отъ внѣшней формы обязательства (вексельной бумаги установленнаго разбора), къ обязательности лишь немногихъ выраженій (вексельная мѣтка, валюта), при чемъ отступленіе отъ предписанныхъ нормъ, съ соблюденіемъ необходимой точности и опредѣленности, но съ замѣною однихъ предписанныхъ выраженій другими равнозначущими,—не лишаетъ обязательства вексельной силы. Неясность выраженія въ векселѣ, которую легко устранить путемъ соображенія съ текстомъ всего документа, не считается неясностью, а самый вексельный документъ не долженъ почитаться недействительнымъ. Если, вопреки предписаннымъ образцамъ—формулярамъ, мѣсто платежа по векселю означено не въ самомъ текстѣ его послѣ формулы: «повиненъ я заплатить въ...», а означено векселедателемъ собственноручно сбоку или внизу послѣ подписи

²⁾ Обозначеніе мѣста платежа въ простомъ (соло) векселѣ можетъ быть и безмолвно, подразумеваясь само собою въ мѣстѣ выдачи векселя (его написанія), если въ текстѣ не указанъ другой пунктъ.

³⁾ Отсутствіе, напр., въ сохранной роспискѣ, выданной отъ неграмотнаго, требуемой подписи двухъ свидѣтелей, не дѣлаетъ поклажу недействительною, какъ скоро нѣтъ спора противъ подлинности росписки, тогда какъ вексель съ незасвидѣтельствованною нотаріусомъ подписью неграмотнаго силою вексельнаго права не пользуется.

и вновь скрѣплено его подписью, то вексель, очевидно, силы вексельнаго права потерять не можетъ ⁴⁾).

Подъ отрицательною стороною формализма въ вексельномъ правѣ должно разумѣть независимость вексельнаго обязательства отъ своего матеріальнаго основанія (*causa*), т. е. отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя побудили лицо написать и выдать вексель. Почему бы ни состоялась выдача векселя — желало ли лицо обезпечить векселемъ свой долгъ, или хотѣло дать кредитъ другому лицу, или вознаградить за какую-либо услугу (уже состоявшуюся, или еще имѣющую состояться) и т. д. — всѣ эти и подобные мотивы не имѣютъ значенія при обсужденіи силы векселя. Эта сторона формализма составляетъ абстрактный характеръ вексельнаго обязательства. Самая абстрактность обязательства не есть явленіе новѣйшей исторіи права. Начало ея восходитъ къ римскому праву, знавшему стипуляцію, хотя послѣдняя и имѣетъ важное отличіе отъ современныхъ формальныхъ договоровъ. Стипуляція служила общимъ средствомъ изолировать обязательство отъ *causa debendi*; она всегда предполагалась договоромъ абстрактнымъ, и эта абстрактность могла быть устранена лишь прямымъ обозначеніемъ *causa* въ формулѣ *stipulatio*, коль скоро стороны не желали вступать въ абстрактную сдѣлку. Въ современномъ правѣ, наоборотъ, обязательство обыкновенно понимается въ связи съ *causa obligationis*, и необходимо особое изъявленіе воли сторонъ о томъ, чтобы обязательство считалось отрѣшеннымъ отъ своего матеріальнаго основанія. Такимъ образомъ, то, что у римлянъ служило правиломъ, у современныхъ народовъ составляетъ исключеніе ⁵⁾).

Вышеуказанныя положительная и отрицательная стороны формализма не находятся между собою въ какой-либо внутренней органической связи, а самая абстрактность обязательства не есть необходимое предположеніе той стороны формализма, которая названа положительною, такъ какъ нельзя сказать, чтобы только при абстрактныхъ обязательствахъ была возможна или требовалась особая внѣшняя форма. Для купли-продажи недвижимыхъ имуществъ предписана, напримѣръ, опредѣленная форма, но нельзя же отнести куплю-продажу къ абстрактнымъ договорамъ. Купля-продажа недвижимаго имущества недействительна, если она не облечена въ форму купчей крѣпости, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы каждая купчая крѣпость выражала собою куплю-продажу. Итакъ, для обязательства можетъ быть установлена особая внѣшняя форма, но оно въ то же время можетъ и не быть абстрактнымъ. Съ другой стороны, и опредѣленная внѣшняя форма не есть необходимое предположеніе абстрактности обязательства. Чтобы изолировать послѣднее отъ его *causa*, нѣтъ необходимости облекать обязательство въ особую форму. Нѣкоторые ученые

⁴⁾ Или: если формула „заплатите N. или его приказу“ замѣнена формулою „заплатите приказу N.“, то самый вексель не можетъ считаться написаннымъ не по правиламъ, какъ не можетъ быть признано упущеніемъ существенныхъ принадлежностей векселя отсутствіе вообще формулы „или кому онъ прикажетъ“, которая явствуетъ сама собою изъ права передавать векселя и изъ назначенія векселя быть передаваемымъ Или: употребленіе въ векселѣ выраженія „по востребованію“ равносильное употребленію предписанной формулы „по предъявленіи“, также не можетъ быть признано упущеніемъ существенныхъ принадлежностей векселя. За формами вообще должно быть признано значеніе лишь примѣра или образца, соблюдать или не соблюдать который предоставлено усмотрѣнію лица, выдающаго вексель.

⁵⁾ Н. Миловидовъ. Юридическій Вѣстникъ 1880 г. № 4, стр. 747 и дальше.

настаиваютъ, однако, на существованіи какой-то внутренней связи между опредѣленною формою обязательства и его абстрактнымъ характеромъ. Никакое обѣщаніе платежа, говорятъ они, немыслимо безъ мотива. Обѣщаютъ или *solvendi*, или *credendi*, или *donandi causa*. Какъ скоро обѣщаніе отрѣшается отъ своего матеріальнаго основанія, становится неизвѣстнымъ, есть ли оно актъ даренія, или вызвано намѣреніемъ кредитовать другое лицо и т. д. Нужна особая форма, чтобы вырвать обѣщаніе изъ его первоначальной связи.

Въ дѣйствительности, однако, не представляется никакого основанія для предположенія органической связи между опредѣленною формою и абстрактнымъ характеромъ обязательства. Необходимо только, чтобы согласіе сторонъ на изолированіе обязательства отъ его *causa* выразилось съ достаточною ясно-стью, ибо абстрактность сама собою не представляется; форма же здѣсь, по существу дѣла, безразлична. Присутствіе положительной и отрицательной сторонъ формализма въ вексельномъ правѣ даетъ въ результатѣ то, что вексельный документъ становится выраженіемъ, символомъ обязательства. Обязательство какъ бы воплощается въ документъ и отождествляется съ нимъ. Если, съ одной стороны, для существованія обязательства необходимъ документъ, съ другой — для послѣдняго не требуется никакой иной *causa obligationis*, то, очевидно, что документъ составляетъ какъ бы корпусъ обязательства. Такое значеніе документа сказывается во всѣхъ стадіяхъ, которыя проходитъ обязательство въ своемъ юридическомъ бытіи,

во 1-хъ) въ моментѣ возникновенія обязательства; оно возникаетъ не иначе, какъ чрезъ выдачу документа: есть въ рукахъ вексель, есть и право требованія—безъ документа не можетъ быть и рѣчи о вексельномъ обязательствѣ;

во 2-хъ) въ періодѣ циркуляціи обязательства. Документъ есть орудіе обращенія его; съ переходомъ векселя переходитъ и право требованія по обязательству; наконецъ,

въ 3-хъ) въ моментѣ реализаціи, диссолюціи обязательства. Обладаніе векселемъ легитимируетъ, какъ вексельнаго кредитора, того, кто требуетъ удовлетворенія по обязательству.

Указанное выше значеніе векселя, какъ корпуса обязательства, выражается также въ томъ, что документъ служитъ единственнымъ масштабомъ, по коему опредѣляется все содержаніе обязательства. Чего нѣтъ въ векселѣ, того нѣтъ и въ обязательствѣ. Стороны не могутъ сослаться на какіе-либо посторонніе акты, на сопровождавшіе или предшествовавшіе вычачѣ векселя устные уговоры ихъ—съ цѣлью точнѣе опредѣлить содержаніе обязательства. Не будучи само по себѣ необходимымъ, соединеніе положительной и отрицательной стороны формализма въ вексельномъ правѣ вызвано потребностями оборота и является дѣломъ въ высокой степени важнымъ по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ. Благодаря именно этому соединенію, вексельный документъ получаетъ значеніе дѣйствительной цѣнности, такъ что уже первый приобрѣтатель векселя, чрезъ самый актъ приобрѣтенія его, можетъ считать свое имущество увеличившимся на сумму, означенную въ векселѣ. Благодаря тому же соединенію, вексельное обязательство легко циркулируетъ и увеличиваетъ собою сумму обращающихся платежныхъ знаковъ.

Переходя къ другому характеристическому признаку вексельнаго обя-

зательства, именно къ той части, которая касается договорной стороны, должно замѣтить, что въ этой области господствуетъ много противорѣчій. Какъ уже сказано, это обязательство частью основано на договорѣ, заключаемомъ чрезъ выдачу и принятіе документа, частью же обусловлено такими нормами положительнаго права, которыя имѣютъ въ виду интересъ третьихъ лицъ и нерѣдко оказываются въ прямомъ противорѣчій съ волею и намѣреніемъ векселедателя. Изъ чего явствуется положеніе, что вексельному обязательству присущъ договорный характеръ? Со времени *Einert'a*, объявившаго вексель обязательствомъ одностороннимъ и даже однимъ изъ видовъ бумажныхъ денегъ (*kaufmännisches Papiergeld*) ученые юристы раздѣлились на два лагеря. Одни изъ нихъ полагаютъ, что вексельное обязательство относится къ области формальныхъ договоровъ; другіе, напротивъ, признаютъ за нимъ характеръ односторонняго обязательства, чуждаго всякой примѣси договорнаго элемента. Во главѣ сторонниковъ перваго воззрѣнія стоитъ *Thöl*, по ученію котораго вексельный договоръ заключается въ формѣ выдачи и принятія документа. Представителемъ противоположнаго воззрѣнія является не менѣе авторитетный *Kuntze*, по ученію котораго вексельное обязательство создается одною только волею должника (*Creationstheorie*) и возникаетъ при посредствѣ документа, изготовляемаго только однимъ лицомъ. Документъ этотъ исходитъ отъ руки должника и выраженная въ немъ воля послѣдняго становится неизмѣннымъ основаніемъ дальнѣйшей судьбы обязательства. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ нѣтъ факта совмѣстнаго дѣйствія сторонъ, образующаго субстрактъ договора, а потому и должно признать вексельное обязательство одностороннимъ. Около этихъ двухъ воззрѣній группируются всѣ современные писатели по вексельному праву. Несомнѣнно, однако, то, что если за вексельнымъ обязательствомъ нельзя признать характера односторонняго обязательства, то и противоположная (договорная) теорія, взятая въ своей исключительности, тоже не можетъ быть признана безусловно правильною. Признавая такимъ образомъ, что вексельное обязательство не есть одностороннее и что ему присущъ еще договорный характеръ (въ формѣ выдачи и принятія документа), должно указать на трудности, представляемыя договорною теоріею вексельнаго права. Трудности эти таковы, что ихъ можно устранить, оставаясь на почвѣ договорной теоріи, или же таковы, что, отнюдь не уничтожая договорнаго характера вексельнаго обязательства, онѣ только ослабляютъ этотъ характеръ. Перваго рода трудность (т. е. устранимая съ точки зрѣнія договорной теоріи) заключается въ слѣдующемъ. Всѣмъ извѣстенъ основной принципъ договорно-обязательственнаго права, по которому требованіе можетъ перейти къ другому лицу, безъ спеціальнаго на то согласія должника, или, другими словами, безъ заключенія новаго договора (*novatio*), лишь такимъ образомъ, что новый кредиторъ (цессіонарій) подпадаетъ всѣмъ возраженіямъ, какія могли быть сдѣланы его предшественнику (цеденту). Между тѣмъ въ вексельномъ правѣ должникъ, при взысканіи платежа, не можетъ сдѣлать возраженій, относящихся къ какому либо изъ предшествовавшихъ обладателей документа (*exceptioes ex persona indossantis*). Предположимъ, что кто-либо изъ прежнихъ владѣльцевъ векселя приобрѣлъ его путемъ продажи и затѣмъ передалъ въ другія руки. Вексель

этотъ въ срокъ предъявляется къ платежу. Вексельный должникъ не можетъ сослаться на фактъ похищенія, кражи, путемъ которой былъ приобрѣтенъ документъ предшествовавшимъ держателемъ его, если только наличный владѣлецъ векселя докажетъ, что онъ приобрѣлъ его добросовѣстно. Недопустимость въ этомъ случаѣ возраженій *Biener* сводитъ на формальную природу векселя.

Другого рода трудность, представляемая договорною теоріею, заключается въ слѣдующемъ. Извѣстно, что добросовѣстный приобрѣтатель векселя можетъ требовать удовлетворенія отъ векселедателя, хотя бы послѣдній собственно не выдалъ векселя, а документъ, имъ изготовленный, попалъ какъ-нибудь случайно (путемъ, на примѣръ, находки) къ первому приобрѣтателю и затѣмъ перешелъ въ третьи руки. Первый приобрѣтатель, правда, не могъ бы въ этомъ случаѣ требовать удовлетворенія и здѣсь несомнѣнно обнаруживается договорный характеръ обязательства, но по отношенію къ третьимъ лицамъ, добросовѣстно приобрѣтшимъ документъ, векселедатель является отвѣтственнымъ. На какомъ же основаніи? Конечно, не на основаніи договора, ибо никакого договора не существовало, такъ какъ не было передачи документа. Защитники теоріи односторонняго обязательства ссылаются на эту отвѣтственность векселедателя, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ противъ договорнаго характера вексельнаго обязательства. Тѣмъ не менѣе, сторонники договорной теоріи не дѣлаютъ никакихъ уступокъ, продолжая настаивать на томъ, что вексельное обязательство есть строго-договорное обязательство. Въ дѣйствительности, свойство этого обязательства, помимо договора, опредѣляется такими нормами положительнаго права, которыя, какъ уже было замѣчено, имѣютъ въ виду интересъ третьихъ лицъ и нерѣдко оказываются въ прямомъ противорѣчіи съ волею и намѣреніемъ векселедателя. Третьи лица, приобрѣтая вексель, быть можетъ, за наличныя деньги, совсѣмъ не предполагали, что лицо, передающее документъ, добыло его неправильнымъ путемъ, а потому законодательство вполне справедливо признаетъ за ними право на удовлетвореніе по векселю. Идея предпочтенія общественнаго интереса (или интереса третьихъ лицъ) передъ интересомъ частнымъ (векселедателя) представляетъ здѣсь одинъ изъ наиболѣе рельефныхъ случаевъ своего примѣненія. Если бы защитники, а равно и противники теоріи договора, обратили должное вниманіе на эту сторону вопроса и признали тотъ несомнѣнный фактъ, что вексельное обязательство во всемъ своемъ содержаніи и объемѣ, стоитъ подъ опредѣленіемъ такихъ нормъ положительнаго права, которыя служатъ какъ бы органомъ общественнаго интереса, тогда замолкли бы споры о природѣ вексельнаго обязательства и исчезъ бы одинъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ раздѣленію ученыхъ на два враждебныхъ лагеря по отношенію къ сказанному вопросу.

Вексель пишется съ соблюденіемъ предписанныхъ формальностей самимъ векселедателемъ, или постороннимъ лицомъ и *собственноручно* подписывается векселедателемъ или его повѣреннымъ. Подписи векселедателя достаточно для совершенія акта векселя. Только вексель, выдаваемый безграмотнымъ, кромѣ подписи вмѣсто него, по его полномочію, другимъ лицомъ, обязательно требуетъ засвидѣтельствованія нотаріуса. Въ этомъ домашнемъ, такъ сказать, порядкѣ совершенія акта заключается большая выгода векселя. Интересы